

Всю дорогу Цинь Хуань был погружен в свои мысли, опустив голову и следуя за Цинь Юем и Ли Хуэем, не особо замечая, куда они идут. Лишь когда его нос коснулся густого запаха сандала, он очнулся и понял, что уже готов войти в ворота Павильона Десяти Тысяч Будд.

В окутанном дымом буддийском зале восседала трёхчжаньская золотая статуя Майтреи, своей неизменной доброй улыбкой взирая на бесконечные перемены в мире смертных.

Среди развевающихся молитвенных флагов с лотосами перед Буддой на коленях сидела женщина в монашеском одеянии и сине-сером клобуке. У неё было прекрасное лицо, но выражение — крайне холодное и отстранённое, оттого у обычных людей не возникало ни малейшего желания приблизиться. Но Цинь Хуаню не терпелось подойти к ней, хоть просто поговорить, хорошенько расспросить эту некогда величественную родную сестру, как она прожила все эти годы.

— Сестра Лун Янь, я привёл нашего маленького племянника повидаться с тобой, — быстро вошёл в молельню Цинь Юй. Увидев человека перед Буддой, он не удержался и позвал её.

Лун Янь перестала бить в деревянную рыбу, медленно открыла глаза и равнодушно поклонилась Цинь Юю:

— Ваше Величество, вы опять забыли. Следует называть меня монахиней Цзинцы.

Лицо Цинь Юя исказила гримаса, он подумал, взял у Ли Хуэя курительницу, накрытую чёрной вуалью, и поднёс к Лун Янь:

— Не взыщите, наставница, а то «сестра» — пусть это будет от имени второго брата.

На спокойном лице Лун Янь миг промелькнуло волнение. Хотя она уже знала от Чжао Цинфэна о прахе, Чжао Цинфэн, опасаясь, что перерождение Цинь Хуаня слишком невероятно, не рассказал ей об этом. Сейчас же, увидев перед собой прах родного брата, как она могла не почувствовать глубочайшую скорбь?

— Говорят, что сейчас неподходящее время для строительства мавзолея, поэтому я подумал, пусть второй брат пока побудет у сестры, каждый день получать озарение Будды, это ему пойдёт на пользу.

В этот раз Цинь Юй снова назвал её сестрой, и Лун Янь больше не возразила.

— Да... пусть он побудет у этой монахини, я смогу составить ему компанию, — Лун Янь медленно протянула руки, приняла курительницу и бережно прижала её к ладоням.

Цинь Хуань глядя на сестру, почувствовал, как защипало в глазах, с трудом удержался, чтобы не расплакаться, но всё же не выдержал и сделал шаг вперёд. Поклонившись Лун Янь буддийски, он сказал:

— Давно не виделись, помнит ли наставница Цзинцы своего племянника?

Лун Янь ещё не оправилась от скорби, как вдруг увидела сына старшего брата, и сердце её наполнилось болью и жалостью:

— Как эта монахиня может забыть князя Иня? За эти месяцы вы сильно выросли.

Цинь Хуань не мог не вздохнуть в душе. Все эти годы, похоже, Аньпин был последней надеждой

в сердце сестры Лун Янь. Жаль только, что теперь он тоже... Неизвестно, как отреагирует сестра в будущем, узнав, что он вернулся, а Аньпина больше нет: будет ли это радостью или горем.

Откинув прочь эти путанные мысли, Цинь Хуань понимал, что сейчас думать об этом бесполезно, и перенёс внимание на то, что здесь и сейчас:

— После хаоса во Временном дворце Тяньцзюнь месяц назад племяннику посчастливилось спастись. Я часто думаю, что это покровительство Будды. Поэтому в свободное время собственноручно переписал несколько сутр и хотел бы попросить наставницу Цзинцы подать их от моего имени к Будде, не знаю, удобно ли это?

Лун Янь не ведала, что именно имеет в виду Цинь Хуань, но интуитивно чувствовала, что сегодня у племянника есть что-то, о чём трудно говорить. Незаметно бросив взгляд на Цинь Юя и Ли Хуэя, она согласилась:

— Что за неудобства? Ваше Высочество, присылайте.

Цинь Хуань снова поклонился по-буддийски:

— Тогда сегодня вечером я отправлю их вам.

Лун Янь охотно согласилась, после чего Цинь Юй ещё долго держал их за разговором, и только после неоднократных напоминаний Ли Хуэя увёл Цинь Хуаня из Павильона Десяти Тысяч Будд.

Наступила вторая ночная стража, Лун Янь по-прежнему читала сутры и молилась в молельне. Губы её шептали самые успокаивающие тексты, но в сердце не было покоя ни на мгновение, а взгляд то и дело скользил к курильнице, стоящей перед Буддой.

Вдруг снаружи послышался шум, маленькая монахиня тихо вошла и доложила Лун Янь, что маленький внуч Дэ До от князя Иня привёз сутры.

Услышав это, Лун Янь велела той монахине принять сутры и подать к ней.

Сначала она не придавала этому особого значения, по привычке перелистала пару страниц, собираясь через пару минут поставить перед Буддой. Но спустя мгновение её рука задрожала, сдерживаемый тихий стон вырвался из горла, горячие слёзы капали на светло-жёлтую бумагу сутр...

В этом году северный ветер подул слишком рано. Всего пару дней назад хризантемы в саду только начали распускаться, достигнув размера чаши, а вмиг большие листья платана у внешней стены уже облетели.

В такую унылую осеннюю пору, когда приближался великий праздник Дня Поминания Духов, день, когда должны были возносить молитвы, теперь казался пропитанным зловещей и холодной атмосферой.

Самые первые слухи о странностях дошли как раз из Павильона Десяти Тысяч Будд, места с самой сильной духовной энергией.

В Павильоне Десяти Тысяч Будд ночное дежурство монахинь обычно должно нести вдвоём. Дежурным не требовалось находиться в зале всю ночь, нужно было лишь по обычаю каждые

полчаса заходить проверить светильники.

Но в ту ночь дежурить должны были монахини Хуэйвэнь и Хуэйсинь. Однако, когда прошла третья стража и настало время подкладывать благовония, Хуэйсинь задремала в боковом зале. Хуэйвэнь, увидев это, решила, что та устала днём, и не стала её будить, а пошла одна осмотреть главный зал. Но не думала она, что этот поход чуть не стоил ей жизни.

На следующий день новость о том, что «монахиня из Павильона Десяти Тысяч Будд встретила призрак», устами больших и малых служанок и евнухов разнеслась по половине дворца.

— Ты не болтай зря, Павильон Десяти Тысяч Будд — место какое, откуда там взяться призракам? — Маленькие служанки из мастерской Ланьюйфан тоже, пользуясь свободным временем, собрались вместе и болтали о случившемся той ночью.

— Я не вру, утром Цуйэр из Западного дворца ходила в Павильон за благовонными амулетами и сама слышала, как там люди говорили, — зачинщица служанка торопилась доказать, что она не врёт, и вывалила всё, что знала, как горох. — Говорят, Хуэйвэнь увидела в зале человеческий силуэт, который стоял на коленях перед Буддой и плакал голосом призрака.

— Ой, не говори, мне страшно слушать, — трусливые зажимали уши и отходили в сторону. Но нашлись и неверующие, которые упрямо возражали:

— Но это место Будды, как смеют обычные бродячие духи туда являться?

— Боюсь, что это не обычные бродячие духи, — одна служанка постарше понизила голос и подалась ближе. — В зале Павильона Десяти Тысяч Будд сейчас стоят вещи грешного наследного принца Чжаосина... Я слышала от старых служанок, что наследный принц Чжаосин умер с обидой, вот и может появиться чудовище.

Так спустя несколько дней, без единого слова из самого Павильона Десяти Тысяч Будд, лишь благодаря догадкам и разговорам служанок, весть о том, что призрак наследного принца Чжаосина вернулся за жизнью, полностью разошлась по дворцу.

Подозрения легко рождают призраков, сначала всё было нормально, но как только пошли слухи, у тех служанок, что дежурили по ночам, сердце ёкало. Ночью в других дворах случайно увидев тень дерева или птицы, они тоже принимали это за призрака. В итоге история о призраке наследного принца Чжаосина гуляла по дворцу с шумом, о ней знали даже знатные господа, но поскольку затронутые персоны были слишком чувствительны, те, кто имел статус и понимал глубину дела, избегали разговоров.

Людишки разные: кто-то верил безоговорочно, а кто-то презирал это.

— Господин евнух, уже поздно... Если вы не наигрались вдоволь, завтра этот маленький снова устроит сходку, и мы продолжим? — В переулке за Западным дворцом, где изначально жили служанки Прачечной, лет пять-четыре назад уже царил разврат, повсюду пахло вином и пудрой, это стало местом, где евнухи и стражники искали развлечений.

Вино прошло три круга, деликатесы остались наполовину, Ян Вэйчжун слушал напев пипы. Не смотря на то, что ему не хватало кое-какой части тела, в обращении с женщинами он не знал пощады. Сейчас он был на подъеме, вот-вот начал бы лапать, но его остановил маленький серый евнух рядом.

— Чего боишься! Кто сейчас во дворце посмеет помешать мне вернуться поздно! — Ян Вэйчжун, у которого испортилось настроение, отвесил маленькому евнуху две пощёчины.

В этой главе эммм... просто показалось, что в прошлых главах эти двое слишком липли друг к другу~ поэтому разделил~ В следующей главе герой-свеча вернется в нормальный режим. Писал в последнее время в спешке, могли остаться опечатки, на которые не обратил внимания, надеюсь, вы не будете против~ Поправлю позже, когда будет время~

<http://bllate.org/book/16488/1498090>